

© Алексей Павлов «АСКЕТ»
Рассказ из 1-го тома сборника короткой прозы
Из цикла «От первого лица»
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство фонда «Сталинград»
Москва 2017

АСКЕТ

Выдалось мне однажды, совсем недавно, по делам прилететь в один из крупных российских городов на черноморском побережье. Воспользовавшись удобным случаем, удалось улучшить пару деньков поваляться на пляже под лучами жаркого солнца и вдоволь покачаться на морских волнах. Я очень люблю спортивное плавание, и, когда появляется возможность вместо бассейна окунуться с головой в морскую пучину, вытаскивать себя обратно приходится только усилием воли.

В первый день с кем-то прямо на пляже познакомился, неплохо провели время, на второй день узнали друг друга уже издали, как только я принялся искать место и свободный лежак.

– Олег! – выкрикнул и поднял вверх руку такой же турист, как и я, мужчина лет пятидесяти, приехавший на отдых с семьей. – Давайте к нам!

Я подошел, мне были рады, и с удовольствием расположился рядом.

Мы искупались, мой новый знакомый минут пятнадцать, я плавал чуть больше часа, и, развалившись на лежаках, принялись перебрасываться короткими фразами.

– Так как там златоглавая?

– Неплохо.

– Еще бы! А у нас...

– Все так плохо?

– Нет, сейчас уже лучше. Немного лучше. Вот, можем позволить себе и отдых теперь. А еще недавно мечтали только о куске хлеба на день завтрашний. Так что жаловаться грех. Но, надо признать, что солнце в Москве лучше.

– Чего?.. – удивился я и повернул в сторону лежащего соседа озадаченный взор.

– Лучше солнце, – спокойно пояснил загорающий сосед.

– Не понимаю... как это? Солнце лучше?

Сосед был в прекрасном расположении духа, и это у него такая шутка.

– Олег, если свет – это жизнь, а жизнь постоянно требует денег, то, так как денег в Москве больше, чем во всей остальной стране, значит, солнце там светит лучше. Качественнее. Каждый хочет занять теплое место под солнцем, и все при этом рвутся в столицу. Вы согласны?

– Абсолютно! – я рассмеялся и продолжил приятное лежание под лучами того светила, которое в столице светит качественнее.

Примерно после полудня наше внимание привлекла небольшая группа людей, расположившаяся неподалеку, здесь же, на пляже. Делать было нечего, потому и привлекло, а так, вряд ли бы и заметил. Прислушался – они что-то спокойно обсуждали.

– Что там? – поинтересовался мой новый знакомый, так же как и я уже отлежавший все бока.

– Не пойму, вроде бы кто-то проповедует.

– Чего?.. – теперь мой сосед поднял недоумевающий взор.

– Смотрите, к ним еще люди присоединяются.

– Так, может, пойдём, Олег, и мы... что там... участие примем?

– В чем?

– Какая разница, лежать все равно уже надоело. Мои-то по магазинам отправились.

– Ну, давайте, посмотрим, о чем там толкуют.

Вроде бы как невзначай, мы приблизились к небольшому кругу слушателей, удобно расположившихся прямо на песке. В центре мужчина чуть за сорок, с объемной темной бородой, которая сразу наводила на мысль, что это служитель церкви, и больших размеров крест на его груди эту мысль окончательно подтверждал. Никто бы и не усомнился, что этот мужчина служитель, уж священно– или не очень – только ему самому знать дано, но он только недавно вышел из воды и до сей поры оставался не в рясе, а в обычных плавательных шортах чуть ли не до колен. Одеться ему попросту не дали, кто-то что-то спросил, он кому-то ответил, потом последовал еще один вопрос, затем еще, и завязалась дискуссия.

Мужчина этот был очень приятным на вид, лицо у него такое, которому верилось и даже хотелось верить. Глаза спокойные и добрые. Он явно обладал даром убеждения, причем без лишнего рвения и усердия. Говорил уверенно, но не навязчиво, голос его звучал ровным баритоном и легко проникал в души слушателей. Он не был пухло упитан, телосложение спортивное, и очень прилично умел плавать. Да, именно его я видел в воде получасом ранее, когда мимо меня на приличной скорости кролем кто-то прошел. Не часто такое встречается среди отдыхающих и купающихся.

– О, видел я его уже не раз здесь! – немного громковато заявил мой знакомый. – Это местный поп или священник.

Его здесь все знают. Пойдем, еще я с утра проповеди не слушал.

– Обед уже.

– Тем более.

– Я останусь, мне интересно.

– Ну, как знаешь, – сказал мой сосед по шезлонгу, и на том наше знакомство закончилось. Завтра с утра я улетаю в город качественных светил, в столицу то бишь.

Я незаметно влился в число слушателей и стал наблюдать, еще раз поздравив себя с извечным до неприличия развитым любопытством.

– Все мы под богом ходим, им ведомы, направляемы. И без этого никуда, как бы вы ни сопротивлялись, – говорил служитель, на некоторое время сев на песок в позе лотоса. – Нельзя без бога в душе жить. Нельзя.

Если б эти слова произнес мой знакомый, который только что удалился, вряд ли его кто стал слушать. А если бы и услышали, то однозначно б занедоумевали. Но из уст этого человека они звучали более чем убедительно.

– Что вы спросили, барышня? – обратился служитель к сидевшей совсем рядом молодой девушке.

Та повторила свой вопрос.

– А... Это не простая тема и так сразу не ответишь. Но вы всегда должны помнить, что Господь все видит, каждого из нас. И если что-то нам удалось скрыть, даже от самих себя, то там, наверху, мы все как на ладони. И за каждый наш шаг в жизни, абсолютно за каждый, придется держать ответ.

Я всматривался в этого спокойного и уверенного в себе оратора, говорящего очень убедительным тоном, не громким, но прекрасно воспринимаемым голосом, и признал, что этот человек обладает блестящим даром убеждения. Один только его вид уже внушает чуть ли не стопроцентное доверие. Он правильно строит фразы, легкими и понятными словами говорит, оперирует хорошо воспринимаемыми простыми понятиями. Видимо, он мог бы многих убедить не только в

том, в чем ежедневно убеждает, но даже и в том, во что до этого никто не верил.

Но что-то напрягало меня. Недоверие? Конечно же, нет. Напротив, моя внутренняя недоверчивость и определенный жизненный опыт уже не первый год начинали резко сигнализировать, когда, казалось бы, все слишком правильно и убедительно. Именно когда все очень хорошо в жизни, я больше всего начинаю напрягаться, потому как это очень опасная, на мой взгляд, ситуация. Именно когда все слишком правильно и честно, я начинаю ждать хорошо притаившийся подвох. Но не забываю при этом, что это всего лишь издержки нашей жизни, нашего быта, нашей действительности, особенно последних пары с небольшим десятилетий. Конечно же, в жизни нередко бывает, когда все очень даже хорошо, и можно сказать, прекрасно. И я не исключение. Потому нельзя быть таким недоверчивым, нужно стремиться к хорошему, и оно обязательно пойдет к тебе навстречу. К каждому из нас.

– Вот вы, например, – продолжал служитель, указывая на другую симпатичную девушку в совсем нескромном купальнике, практически незаметно оценив ее привлекательность, – вы молоды, прекрасны, явно у вас множество поклонников и все очень здорово в этой жизни.

Девушка мило улыбнулась, и по ее улыбке сразу было понятно, что она юная кокетка, очень хорошо знающая себе цену. Но не вульгарна, стоит отметить.

– И все должно быть в вашей жизни хорошо и успешно, – продолжил мужчина, немного пригладив бороду и волосы на голове. – Но Господь любому посылает испытания. И вам тоже.

Все вокруг насторожились и прониклись еще большим вниманием.

– Скажите честно, вы в храм ходите?

– Н-не-ет... – призналась юность, – была пару раз, и то, так...

– Очень хорошо, что вы не лжете. Я это вижу.

– Да?... – ее взяло особое любопытство.

– Да. Я многое вижу по вашим лицам.

«Оп-па! – подумал я. – А вот с этого места повнимательнее. Психолог ты отменный, и, кажется, я догадываюсь, куда ты клонишь, гусь», – у меня неожиданно вырвалось последнее слово, благо не вслух, но даже так за себя стало немного стыдно.

– И что же вы видите по моему лицу? – уже сгорала от любопытства милая юность.

– Вот каждый юноша смотрит на вас, как на совершенство, и мечтает, чтобы вы именно в него влюбились. Так?

«Ха! – вновь пошли мои мысли своим чередом. – Откажется эта прекрасная дурочка от таких сладких предположений, да еще и прилюдно! Давай-давай, гусь, теперь еще больше интересно!»

Девушка потупила взор. Она умела это делать искусно.

– Говорите, не стесняйтесь, вы все сами вызвали меня на доверительную беседу.

– Ну... да... – процедила лебедь, поджимая ножки.

– И каждая из ваших подруг сгорает завистью в ваш адрес, чуть ли не ежеминутно.

– А вот это не в бровь, а в глаз! – тут же озарилась она, поражаясь, как точен был в выводах этот вполне мирского вида служитель.

– И можно было бы вам самим себе завидовать, что в жизни у вас так все прекрасно. Родители хорошо зарабатывают, посылают вас сюда отдыхать! Балуют постоянно, папа, наверно, души не чает в своей дочурке?

Служитель вновь был прав. Но тут он неожиданно наткнулся на мой внимательный взгляд, и мы на пару секунд задержались друг на друге. Нет, никакого значения он этому явно не придал, скольких пар глаз он в день созерцал, я мог

только предполагать. А наблюдательность его и прочие природные одаренности всегда будут заставляя таких как я держать ухо востро. Потому как если это искренний человек, то я в доску разобьюсь, а стану его если не другом, так постоянным прихожанином. Но только в этом случае. А пока все внимание на центр.

– Да, мой папочка самый-самый! – подтвердила юность.

«Особенно если у него есть лишние деньги оплачивать все твои причуды!» – неисправим был мой разум и донельзя примитивен. Но как и друзей, разум мы тоже не выбираем. Какой выдали свыше.

– Но не все так ясно и гладко в вашей жизни! – неожиданно громко заявил служитель и все окончательно притихли.

«Как точно он поставил акцент в своей речи, – внимательно следил за ходом действий мой практичный разум, – сейчас он их всех заставит поверить, что обладает даром сверхъестественным, чуть ли не ясновиденьем. И они поверят. Обязательно поверят. Они уже готовы ему верить и чуть ли не идти за ним в любые дали».

– Что вы имеете в виду? – с максимальной серьезностью последовал вопрос девушки. Конечно, с серьезностью, ведь если ясновидец сейчас ошибется, то они все в нем тут же и разочаруются. Рассмеются, встанут и уйдут. Но он не ошибется, это явно было видно. Между его опытом общения с людьми и их молодежными взглядами слишком ярко просматривалась целая пропасть. Он читал их легко, а они уже сейчас, всего минут через пятнадцать-двадцать, видели в нем что-то особенное, возвышенное, отчасти неуловимое, и невероятно притягательное.

– Я? – спокойно и снова не очень громко, но внушительно продолжил служитель. – Ничего. Как всегда все в жизни и происходит. Нас всех Господь ведет. И вас тоже, милая леди, тоже – и тут он вновь набрал обороты убедительности и разумной громкости речи. – Потому и послал вам такое первое в жизни испытание!

Девушку бросило в холодный пот. Остальные сидели как замороженные.

– Да-да! Каждому свое! Вы пока совсем юная, и бог не пошлет вам слишком суровых испытаний, чтобы вы всё наконец уяснили и уверовали в истину! Вы думаете, на вашем лице ничего нет? Ничего не отпечаталось?

Юность невольно и незаметно для себя самой ощупала собственное лицо.

– Недавно вы пролили много слез. Я думаю, это неразделенная любовь. А может, даже и предательство. Не улыбайтесь! – строго упредил некоторых молодых людей служитель. – Это очень больно! Очень! И не стройте из себя героев-любowników! Со мной не нужно! Я много чего успел повидать в своей жизни! Вам и не снилось! А ее предали! И боль, которую она перенесла, конкретно отпечаталась в ее глазах!

Нужно было видеть реакцию окружающих, когда девушка неожиданно расплакалась, изо всех сил стараясь прятать слезы. Он попал в десятку!

«Супер! Bravo! Пять баллов! Гусь! – мне снова стало стыдно за свои мысли, но ненадолго. – А почему он гусь? Да потому что это даже не смешно! Она так привлекательна и красива, и разве не найдутся молодые парни, которые ринутся в бой на покорение ее сердца и, уж простите, тела? Не просто найдутся, а целый рой образуется из самых смазливых и шустрых парней. И не может быть, чтобы они все потерпели фиаско. Не может, потому что Юность сама только и мечтает, когда явится принц. Но среди смазливых и шустрых принцев нет, зато они так умеют их театрально изображать! А Юность не может допустить, что она не достойна того, чтобы в ее жизни принц появился, потому поверит самому искусному из них. И этот самый искусный как раз окажется далеко не самым порядочным. Вряд ли ему нужно ее сердце. Только сладострасть, да и то на втором месте. А на первом личное самолюбие, что он все-таки смог

укантовать самую-самую! После этого он возомнит о себе, что способен на все, и уже следующим днем задерет нос настолько, что дотянуться до него будет сложновато даже только что покоренной Юности. Это зацепит ее за самое сердце и вызовет бурю негодований. И как следствие, ответную неприличную реакцию того ловеласа, который ее так удачно обработал. Между ними немедленно вспыхнет конфликт, и последует ситуация, которую пораженная в сердце душа прекрасной Юности расценит как тяжелейший незаслуженный удар судьбы и подлое предательство.

Но в этом нет ничего сверхъестественного. Это наша жизнь, а точнее наша молодость. Служитель был действительно прекрасным психологом и с легкостью определил, кто в этом кругу вероятнее всего подойдет сейчас для великолепного спектакля без репетиций. Они, служители, всегда умеют поставить акценты там и тогда, чтобы максимально точно попасть в наше сердце. И попадают. Практически со стопроцентной вероятностью попадают. И знаете почему? Потому что в то, что скажет служитель дальше, погрузился даже я вместе со своим практичным рассудком. Он поймал второй мой взгляд, в котором выражалась открытая насмешка. Сделал вид, что ничего не заметил, и решил проучить меня. Теперь его речи были не так наивны и не рассчитывались на наивную юность. И надо признать, что и здесь он был мастак.

А может, все-таки очень умный и искренний человек? Что плохого он сказал? Все как есть. Через минут десять или пятнадцать мне очень хотелось ему верить. И я даже поверил. Он читал это по моим глазам, и только потому до конца доверия у меня не зарождалось. Но он тронул такие темы и так искусно, что больше наивных усмешек мое лицо не изображало. Я даже не заметил, что за моей спиной сидел уже не один ряд слушателей, молодых и не только.

Вскоре мне захотелось попросту уйти. Нет, никто меня не раздражал, а просто я о своем задумался. В свои едва за

сорок мне было что вспомнить в жизни, было кого. Стало мрачно на душе. А служителю, видимо, уже скучно. Он прекрасно понимал, что многие из его слушателей завтра пойдут в храмы, и это очень хорошо. Без всякой подоплеки, очень! Он поднялся минуты через две-три после того, как ушел я, оделся, благословил всех на доброе здравие и отправился своей дорогой.

Я обернулся, и мы вновь поймали друг друга взглядами, когда служитель проходил неподалеку. Я кивнул, он едва заметно ответил.

Мне запали в душу его слова об аскетизме, о наших заблуждениях в жизни и в гонке за успехом, как правило, за финансовым. Многие служители это говорят, если не все, но далеко далеко не каждому удастся произнести те слова и таким тоном, чтобы они оказались услышаны, восприняты. Ему это удалось на сто процентов.

«Ведь каждый из нас, – звучала в моей памяти речь служителя, – и я в том числе, да-да, и я, гоняемся за успехом. Я тоже гонялся. За деньгами так гонялся, что теперь и говорить стыдно. Часто говорят, что никто из нас не задумывается о чем-то более высоком. Но это неправда. Все мы задумываемся. Все. И вы, и вы, и даже вы... – он многозначительно посмотрел тогда в мой адрес, – но долго ли мы это помним? Долго ли помним тех, кого потеряли, хотя поминаем каждый раз как по расписанию. Мы теряем близких и не можем после жить. Мы наблюдаем гибель чужих, сострадаем, слава Господу, мы способны еще сострадать, и эти чужие становятся нам такими близкими. Но нет, не так. Близкими они нам не стали. Это страх. Страх, что завтра такое горе может постигнуть и нас. И об этом предупреждает нас Господь. Чтобы мы остановились, задумались. Но нет, не можем мы остановиться. Чуть посострадали, и вперед! За новыми деньгами и очередными достижениями! Вы, девушки, за богатыми принцами, вы, парни, за деньгами. За большими!»

Как раз на этих словах служителя я и стал удаляться.

Немного побродив, я вернулся к своему лежаку, оделся и медленно побрел в противоположную сторону от пляжа. Вышел в город.

И вдруг заметил, как служитель, уже одетый подобающим образом, с кем-то беседует. Солидный и упитанный мужик лет пятидесяти о чем-то его очень просил. Служитель соглашался, а после стал разговаривать по мобильному телефону, видимо, согласовывая запись в небесной канцелярии.

Нет, таким как я уже ничего, наверно, не поможет.

А упитанный господин стоял рядом с видом первоклассника и смиренно ждал. Служитель окончил переговоры и, похлопав по плечу упитанного и хорошо одетого, пошел дальше своей дорогой, бросая пару взглядов по сторонам.

Я не хотел, чтобы он меня замечал. Не знаю почему, но не хотел. Не желал больше находиться под его влиянием. Гордыня, и спорить не стану.

Перейдя дорогу, я купил в ларьке баночку ледяного спрайта. Дрянь, конечно, но в жару такая она приятная. Откупорил и залпом осушил. А когда стал оглядываться по сторонам, куда бы выбросить, неожиданно краем глаза поймал припаркованный у дороги дорогуший джип.

Джип, он и в Африке джип. На джипах, что ли, я не ездил? Но открыв водительскую дверь, за руль сел тот самый служитель. Медленно, неспешно, как и все, что он делал. Но не медлительно и не утомительно. Снова ответил кому-то по телефону, затем с легкостью загрузился внутрь и дал газу, не обращая внимания на поток других машин.

А я стоял, смотрел ему вслед и не понимал. Что это? Кто это был? Он только что внушал нам ценности жизни и убеждал, что наши грешные души нуждаются в аскетизме.

– Вот так аскет! – подумал я и тут же осекся.

А что, собственно, такого? Он что, не человек? У него не может быть джипа? Конечно, может. За несколько миллионов. Ого! Что-то дороговат выходит нынче современный аскетизм.

Любопытство – не большое свинство, но порок однозначный. И он сработал незамедлительно во мне.

– Такси?

– Куда надо? – небрежно спросил мужик моего возраста, сидевший за рулем и балдевший с открытой дверью в приличной иномарке, поджидая клиента.

– Туда, – указал я, сам не зная куда, по направлению только что уехавшего джипа.

– Дорогу знаешь?

– Покажу, – я назвал наобум примерный адрес в том направлении. – О цене договоримся.

– О, нет! О цене сразу! – и ушлый таксист озвучил цену.

Я удвоил, и он тут же выскочил из машины, чтобы открыть мне дверь.

– Так куда едем? Адрес точный имеете, уважаемый? – спросил он, когда мы уже тронулись.

– Адрес?.. Джип тот видите? Вон, возле супермаркета припарковался.

– За ним?! Вы что, наружка, что ли?

– Боже упаси меня от этого детского сада. Нет, просто очень люблю эту марку машин. Когда вижу, есть желание за ней покататься. Полюбоваться, так сказать.

– Что это вы так не лестно о наших доблестных службах?

– О реальных – я к ним с поклоном, только таких мы никогда не видим, это скромные люди. А эти клоуны, размахивающие корочками направо и налево... детский садик «Солнышко».

– Вот вы странный человек. Ну ладно, хозяин барин. За джипом, так за джипом. Гоните ваши денежки – и усё вас убудет!

– Так что, так за ним и ехать? – поинтересовался таксист, когда служитель вышел из супермаркета и снова покатил своей дорогой.

– Ага.

– Нет, вы не просто так, – напрягся таксист. – Зря я вас посадил.

– Не беспокойтесь, я абсолютно гражданский человек.

– Тогда за каким лешим мы будем кататься за нашим батюшкой?

– О, вы его знаете?

– Да его вся округа знает! Вот такой, кстати, мужик! Я, скажу вам сразу, потом никаких бумаг нигде подписывать не буду! А если не согласны, то лучше выходите здесь же!

– Поверьте, простое человеческое любопытство.

– Ага, а в кармане у вас диктофончик, так?

– Нет.

– Значит, так.

– У меня и карманов-то нет, вот только барсетка. Могу открыть.

– Не нужно. Сейчас такая техника пошла, что и пуговица может быть камерой наблюдения.

– А по-моему, в нашей великой стране все на службистах и шпиономании помешались, как на бандитизме в девяностых, вы не находите?

– Да сейчас куда ни плюнь, в служаку попадешь. Прямо как при СССР в инженера. То те, то эти, одни лишь красные ксивы кругом мелькают.

– А вам самому от этого не смешно?

– Мне нет.

– А мне смешно. Как очередного ксивщика вижу... ой, лучше не говорить, какие мысли меня в этот момент посещают.

- А вы, типа, из гражданских.
- Поверьте, да.
- Тогда какого рожна мы за этим джипом прёмся?!
- Говорю же, любопытство!
- Прямо так и любопытство! А может, еще чего, а? А потом меня затаскаете, так? – таксист резко остановил машину.
- Нет.
- И что дальше?
- Не знаю.
- Я сразу понял, вы не местный.
- Дураку понятно.
- И не турист.
- Да, я здесь по делам. Коммерческим, ни с какой службой, к счастью, не связанным.
- Так я и поверил.

К моему удивлению и даже радости, потому как будет свободная минутка убедить таксиста в том, в чем мне нужно, черный джип служителя остановился метрах в ста впереди от нас. А напротив остановилась другая дорогая иномарка, и водители перебрасывались громкими репликами.

– Хорошо, я объясню вам, коли так боитесь, – обратился я вновь к водителю, – этот священнослужитель только что проповедовал на пляже. Очень хорошо говорил, душевно, можно сказать. Мы все его заслушались.

– Ну, здесь я с вами соглашусь. Отец Филимон даром слова обладает.

- Еще каким!
- И что из этого?
- А потом я увидел, на чем этот служитель ездит.
- А вас это сильно касается?
- Не сильно. Но после высоких речей об аскетизме хочу еще кое в чем убедиться.
- Не понял.

– Он же домой едет, не так ли? Очень хочется верить, что живет он скромно, а дорогуший джип, так, друзья дали, может, у него ноги больные.

– Живет? Нет, живет отец Филимон в самом элитном поселке, и дом у него, я вам скажу...

– Показать можете?

– Показать? Ну, поехали. Вон он, уже тронулся. Точно не затаскаете после?

– Клянусь всеми святыми! И накину еще немного к тарифу.

– О-ох... Ну ладно, едем, деньга уж очень нужна.

Когда мы проезжали один светофор, за которым стояла полицейская машина с человеком в форме и полосатой палкой, водитель о чем-то вслух рассуждал, я его не слушал. Затем перекрестился, в этот момент он говорил что-то типа: «Верить надо! Без веры человек не может! Без веры это не человек вовсе!» – после неприлично сплюнул в открытое окно и нарушил правило дорожного движения, нагло проехав на красный. Благо перекресток был пустым.

– Вы что делаете? Красный был.

– Машин не было.

– ГАИ впереди, – я до сих пор почему-то называл их по старинке.

– Не бойся, столица, свои! – отрапортовал таксист и деловито махнул рукой человеку с полосатой палкой. Тот ответил жестом взаимности.

– А с чего вы взяли, что я из столицы?

– Что я, столичных гостей за годы не насмотрелся? Вашего брата за километр видно, – таксист сделал ударение на второй слог в слове «километр», так частенько говорят в моем родном городе, не в столице, где я уже много лет живу.

– Свои? – спросил я, имея в виду дэпээсника. – Оплаченные то есть?

– Не-ет! Друзья.

– Видимо, настоящие, – с неприкрытым сарказмом последовал мой комментарий.

– У меня здесь все друзья. Я вырос в этих краях. Каждая собака меня знает.

– Очень ценно.

Меня сложно удивить богатством и великолепием загородных домов, многие мои клиенты имеют такие в элитных районах Подмосковья. Многие из них с известными широкой аудитории фамилиями. Другие с неизвестными, и от этого еще богаче.

Не удивил меня и дом, а точнее усадьба слугителя, в которую он проехал через автоматически открывшиеся ворота. Не удивил лишь потому, что я такие видел, а так бы рот открыл и не закрывал до самой ночи. Да, действительно, талантливый человек во всем талантлив, в финансах тоже.

Я вышел из машины, посозерцал сие великолепие в виде высоченного забора с камерами наблюдения, постоял, затем сел обратно и попросил водителя вернуть меня туда, откуда взял.

– И все?.. – недоумевал тот.

– Да.

– Вы больной?

– Да. Вот деньги.

– Тогда едем! Деньги потом, такая привычка.

Как только мы отъехали, водитель вдруг радостно заявил:

– И все-таки вы нормальный человек!

– Вот как?

– Не службист! Признаюсь, не люблю я их. Строят из себя пуп земли, а сами без своих корочек ноль без палочки.

– И с ними тоже.

– О! Я вижу, вы их также не жалуете?

– Нет, совершенно равнодушен. Так, подташников слегда.

– А у нас их развелось, вы не поверите. Того и гляди скоро каждый клиент вместо денег красную корочку совать в морду будет. А куда деваться?

– Деньги требовать.

– Как же?

– Так. А не дает, вызывать наряд, и пусть те составляют протоколы.

– Ну, может, это у вас в столице так, а у нас, знаете, город не такой большой, и отношения с людьми портить нельзя. Без куска хлеба остаться можно. Или и того хуже.

– Их нигде не желательно портить. Со здоровыми людьми, я имею в виду.

Через полминуты таксист рассмеялся.

– Так то, что вы хотели выяснить насчет нашего батюшки, это правда?

– Да.

– Так спросили бы, что деньги на ветер кидать? Я бы и так сказал, дом у него – мама не горюй! И внуки тоже!

Теперь посмеялся я. А после вдруг подумалось, что в этом ушлом таксисте мне видится множество, огромное множество людей, целая прослойка нашего общества, которые прекрасные в жизни приспособленцы и, не желаю их ни в коем случае обидеть, приличные, скажем корректно, идеалопоклонники. Вопрос идеалов оставим открытым, а вот то, что я не ошибся... идем дальше.

Таксист окончательно расслабился, полностью поверив, что я нормальный гражданский человек и ему не придется теперь объясняться в суровых службах, и его настроение резко пошло в гору. А вместе с настроением почему-то появились и первые нотки раздражения, видимо, в мой адрес.

– А что это вы тут наблюдения устроили?

«Вот-те раз!» – подумал я.

– Не знаю, – равнодушно ответил, – сам даже не понял. Так, интересно стало.

- Любопытно. Стало.
- Наверно.
- Верить надо!
- Что?..
- Я говорю, что не любопытствовать нужно, а верить.
- Во что?
- Во что все нормальные люди верят.

Мне не хотелось дискутировать с этим человеком, тем более что он однозначно относится к тем персонажам, которые к дискуссиям и не склонны, они как танки будут стоять на своем, чего бы им этого ни стоило. Но так же мне не захотелось оставлять на себе весь тот негатив, который этот таксист неожиданно решил на меня вывалить. Пусть забирает его себе, пусть злится, если так хочет, а я завтра утром полечу домой. Вообще странно мы, люди, устроены в чем-то: нам хорошо, если от нас другому злобно, не плохо, а именно злобно. Мы любим сорвать свою злость на другом человеке, и если это не получается, то наша злость возрастает стократно. Вот пусть тогда она сейчас у него и возрастает, коли ему так хочется.

– Человек без веры не может! Во всем мире и во все времена люди верили и верить всегда будут! – завопил таксист, начиная вести машину более дергано и более опасно.

– Вы недавно за рулем? – спокойно спросил его я, как ни в чем не бывало, хотя прекрасно видел, что за рулем он уже немало лет.

– Что?.. Вы смеетесь? Я с детства баранку кручу! – со злостью выпалил водитель и еще резче дал газу.

«Повелся, как наивный мальчишка», – подумал я.

– Вот скажите, – продолжил раздражаться таксист, – почему вы все такие заносчивые?

– Кто все? – я сделал вид, что не понял.

– Жители столицы. Ну, прямо все такие из себя, будто небожители! А на самом-то деле это вы от нас, от регионов,

зависите! Не будем мы вас кормить, вы там, в своей Москве, с голоду сдохнете.

Не стал я говорить, что я не москвич, и в чем-то мне стало даже обидно. Все это мы уже сто раз слышали, а на сто первый вдруг нам это надоедает.

– Во всем мире и во все времена провинция платит центру. Не замечали? – подлил еще немного я масла в огонь, с равнодушным видом и не без удовольствия внутри наблюдая за изменением состояния таксиста. Главное, чтобы он теперь от злости не припечатал какой-нибудь столб, несется уже, как наивно ненормальный юноша, а не взрослый бывалый мужик.

– Не-ет! Я знаю, почему вы все там такие заносчивые!

– И почему же?

– В вас правды нет. Веры нет. Вы верите только в одно – в деньги! – таксист решил выместить на мне теперь всю свою накопленную на жизнь обиду.

– В деньги мы, конечно же, верим.

– Вот то-то и оно! А что деньги? Деньги – это вода, мутная, грязная!

– А мне так не кажется. Вполне чистые бумажки, если руки у их владельца не перемазаны. А вера?.. Вы не находите, что вера и доверие... как бы вам это сказать, в общем, вера без доверия – уже не вера, а слепое поклонение. А для доверия мне нужна ясность картины. Четкая ясность.

– Вот такие как вы всегда воду и мутят! Нужно верить! А не сомневаться вечно!

– Сомневаться... наблюдать... анализировать... что в этом плохого? Что порочного? И почему я должен верить вслепую, тем более там, где мне это упорно навязывают?

– Как это почему? Надо – и все! Потому что надо! Вы русский понимаете?

– Пока не забыл, слава богу.

– О! Видите? Вот так! Слава богу. Вы понимаете слово "надо"? И нечего спорить. Есть много книг духовных, вы читайте, там все написано!

- Да вы прямо еще один настоящий проповедник.
- Я не проповедник, я жизнь знаю!
- Ого!.. Зря обгоняете на «слепом» повороте. Вылетит грузовик навстречу, шансов выжить останется мало.
- Не учите. Не первый год этой дорожкой летаю.
- Ездить спокойно не пробовали?

Мы оба замолчали, таксист окончательно надулся, и я решил разрядить обстановку, заявив ему вполне искренне, как бы желая поделиться и даже послушать совет. Советы, в принципе, я никогда никому не даю, и тем более не приемлю, чтобы мне их давали другие. Опять гордыня, согласен, но уж так многие любят эти советы навязывать, что противно становится невероятно. Но тем не менее подыграть желание совета – очень даже порой интересно, особенно на тему, на которую говоришь абсолютно искренне.

– Вы понимаете, если бы этот богатенький поп-аскет был исключением из правил. Ан нет, это уже статистика, уж простите. Не стопроцентная, конечно, но и не малая.

– Ну и что! А вы не судите! Не судите! У него, между прочим, четверо детей, и ему так же приходится кормить семью.

– У меня не меньше, – тихо сам себе буркнул я.

– Вы тоже, я смотрю, не бедствуете. Одеты не на базаре, деньги имеете, раз с легкостью такси себе позволяете, на самолетах сюда летаете. А других судите. А он у вас ничего не взял. Ничего! Всем жить хочется. Всем! Каждый крутится в наш век как может.

– То есть этот служитель тоже крутится? Как может?

– Ну, я не это хотел сказать. И не цепляйтесь за слова. Верить. Надо верить! А демагогию разводить каждый умеет.

– Дело не в демагогии. Разум. Думать желательно самому. Разум, вроде как, каждому дан, нет?

– Там, наверно, не глупее нас с вами. Они за нас все уже подумали. И им чихать, о чем мы тут с вами рассуждаем. А раз им сверху виднее, вот пусть они голову и ломают. А нам детишек по жизни надобно пристроить, да и самим пожить

успеть по-человечески. А то вон в мире-то что творится, не от болезней раньше времени помрешь, так взорвет ненароком бесовщина всякая, – тут таксист еще раз махнул рукой знакомому служителю с полосатой палкой и снова нарушил правило дорожного движения.

– У вас дети есть? – поинтересовался я невзначай.

– Есть.

– Сын, дочь?

– И сын, и дочь.

– А если ваш сын вот таким проповедником решит стать?

– Кто?.. Мой сын?.. – таксист задумался, а затем уверенно выдал. – А пусть! Плохо жить, что ли, будет? Ха-а! Будет жить припеваючи!

– Ага... именно так.

– Не пропадет! Конечно, я бы... хотя нет, я не против. Пусть идет, если захочет. Все лучше, чем в ворье чинуши или дорожные взяточники.

– А... значит, не друзья?

– Кто?

– Гаишники, с кем вы так театрально здороваетесь?

– Почему же? Конечно, друзья. Встречаемся часто, вместе отдыхаем. Хорошее вино вместе пьем. Шашлык там, и всякое такое...

– Достойные признаки настоящей дружбы.

Таксист решил окончательно отомстить в словесной перепалке.

– А сын мой, если по такой дорожке решит пойти, так это к лучшему! Людей учить нужно! Уму-разуму! Таких как вы, к примеру! А то рассуждают тут!.. Один Фома неверующий за одним пошли, моду взяли! – открыто сердился таксист, и мне эта богадельня попросту стала надоедать.

– Учить, говорите? Нет уж, извольте. Остановите здесь.

– Обиделись? Далековато пешком будет.

– Таксистов в наш век хватает. Были бы деньги заплатить.

– Что, не понравилась моя компания?

Я взглядом неспешно провел по интерьеру салона автомобиля. Здесь вам и подвешенные маленькие футбольные мячики, в разных местах приклеены небольшие православные иконки, тут же валяются пару пачек сигарет, одна раскрыта, а в менее приметном, но все же хорошо заметном углу висит вырезанная с обложки некоего журнала полуголая девица, причем полуголая – это еще очень мягко сказано. Ну что ж, ничто житейское нам никому не чуждо, как говорится.

– Хорошенькая.

– Кто? – не понял таксист, резко припарковав машину.

– Ваша знакомая? – ткнул я пальцем в вырезанную полуголую девицу. – И главное, к месту.

– Что вы за народ такой? – процедил сквозь зубы таксист, ожидая оплату.

– А знаете, – я небрежно положил обещанную сумму на торпеду, – по большому счету, она в жизни честнее будет, чем мы с вами.

– До свиданья!

– Будьте здоровы!

Не успел я поднять руку, а тут же остановилась другая машина. Водитель был дружелюбным, и сразу сам завязал разговор, хотя мне больше хотелось сейчас молчать. Но человек был приятным, потому молчать не вышло.

– Откуда вы? – весело поинтересовался водитель.

– Из зажравшейся столицы.

– Ого!.. Хм!.. Круто вы о сердце нашей родины.

– Поверьте, я люблю его, сердце это, не меньше других.

– Верю.

– Давно в наших краях? Позагорать прилетели?

– Два дня. Нет, по делам. Завтра обратно. Послушайте, вопрос нескромный...

– Давайте!

– Вы местного батюшку знаете?
– Кого?.. О-о!.. Кто ж его не знает? Лис еще тот!
– Лис? – мне тут же вспомнилось, как, наблюдая за проповедями служителя, мне все время хотелось назвать его гусем.

– Знаете, может, это и неправильно будет так говорить, и скорее всего, неправильно, но я скажу. Не обидитесь?

– Наоборот, с удовольствием услышу ваше мнение.

– Вы православный?

– Да.

– Тогда обидитесь.

– Без фанатизма.

– Что?.. А-а... Ну хорошо. Видите ли, вам, кстати, куда?

– На центральную площадь.

– А, я и позабыл, вы же говорили. Так вот, я тоже православный. И тоже, как вы выразились, без фанатизма. И к батюшке этому, когда он в наших краях объявился, очень хорошо относился. Человек, сразу видно, очень умный.

– О-очень.

– Вот именно. Но когда узнал о его особой любви к жизни, я вам скажу, челюсть отпала. А всего-то несколько малюсеньких церковных лавок по городу. Но приди туда: свечку купи, потолще – подороже, за молитву заплати, за все прочие услуги плати. Это не зависть, поверьте.

– Нет, вы можете прийти и не платить. Никто вас не заставляет.

– Могу, конечно! Только вокруг ценники висят, и все в кассу в очередь становятся. А я что, жаба последняя? Только неправильно это, я вам скажу! Если б деньги эти на нужды храма шли, а еще лучше на нужды больных и стариков! А они, вон!.. Домик-теремок нашего батюшки видели?

– Довелось.

– То-то! А машину его спортивную?

– Спортивную? Джип черный...

– У него гараж целый! Я вот, купил лицензию, занимаюсь частным извозом. Налоги плачу! Вот ведь дошел до чего! Хотите квитанцию дам?

– Не надо, – улыбнулся я.

– А он платит, поп наш скромняга?

– Думаю, да.

– Платит-платит! Вопрос только, кому эти миллионы идут? По какой лестнице? По особой! По темной!

– Почему по темной?

– А потому что! Я тут на днях кое-что узнал ненароком. Может, врут все злые языки, но мне видится, не врут.

– Вы о чем?

– А о том. Не слышали, что еще с девяностых годов наша церковь имеет указ от главы государства, разрешающий ей беспощинный – слышите, беспощинный! – ввоз табака и алкоголя в страну! Табака и алкоголя! Как вам такая ипостась?

– Что-то слышал, но может, слухи? И вроде бы это уже в прошлом.

– Слухи-слухи! Такие слухи, что уши вянут! Да и те на пустом месте не рождаются! И душа... душа болит от лжи такой! А я ведь не антихрист, поверьте! И в душе тоже в бога верую! Прежнего хорошего батюшку очень почитал. Скромный человек был. Пешком ходил! Дай бог ему упокоения!

– Верю. Вам верю.

– Вот ваша площадь, уважаемый. Счастливо оставаться!

– Спасибо. Всего хорошего!

А вечером, когда я в гостиничном номере включил телевизор, мелькнул в новостях наш главный аскет. Я его послушал, говорить умеет. Убедительно. Наверное, и главный потому. Хорошие слова говорит, правильные.

А когда я летел в самолете в город, где самое качественное солнце и во главе угла стоят финансы, в памяти то и дело всплывало лицо того служителя, доброе лицо, с

глазами, которым так хочется верить, так хотелось верить. Но мы, Фомы неверующие, только и знаем, что судим, судим да судим. А не надо судить. Читайте книжки, которые вам дадут! Там все давно для нас написано! Вопрос только – кем? Но это не вопрос! Нам нельзя ни судить, ни думать! Думать будут за нас! Нас же будут и судить и нам же будут указывать путь! Прямо как при коммунистах! Там одна верхушка, здесь... та же верхушка, только лозунги чуть повернули по правильным ветрам.

Сразу же почему-то вспомнились слова второго таксиста. Кто-то скажет, что это сплетни. Но почему-то больше не верится в то, что это всего лишь грязные сплетни, нежели сам факт – правда. Уже некоторый признак "качества" доверия. Вспомнилось, как перекрывают дороги, когда едет кортеж главного аскета, его бесчисленная охрана и сопровождение, роскошные лимузины, дворцы и многое другое. А сколько таких аскетов рангом пониже? Сотни? Тысячи? Десятки тысяч и больше?

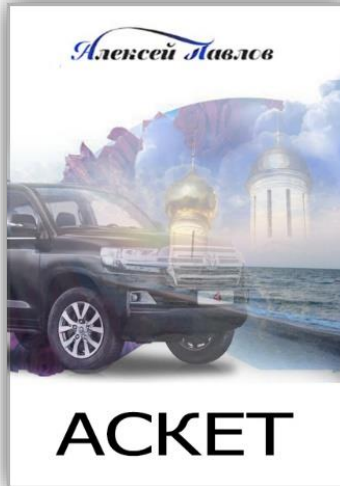
Господи, какие же средства на всю эту бриллиантовую мишуру нужно содрать с простого люда, чтобы содержать такой размах! И ладно бы просто денег, но ведь требуется еще преклонение и беспрекословное поклонение! Но это уже вопрос из области крепости и устойчивости государственной власти, любой власти, чему, в принципе, отчасти и призваны служить религиозно-силовые структуры. Или не отчасти? Так, может быть, в этом и кроется главная причина, всецело объясняющая такую намертво внушаемую позицию "Надо верить! А то в аду сгорите!" Нечего разглагольствовать, люд! Кланяемся быстренько всем миром! Для вас уже все давно написано!

Но нет, есть правда на земле, есть истина, как бы старательно она ни была замазана. И ложь, лицемерие не скрыть ни за правильными словами, ни глобальной пропагандой!

А вера... она в душе каждого из нас, и, к великому сожалению, только там она порой остается единственно подлинной. И такие скептики, как я, давно научились отличать ее от извечной шелухи государственных интересов.

Конец

Рассказ написан осенью 2015 года

© Алексей Павлов «АККЕТ»
Рассказ из **1-го тома** сборника *короткой прозы*
Из цикла «**От первого лица**»
ISBN 978-5-9907646-2-0
Издательство Фонда "Сталинград"

<http://alexey-pavlov.ru>
Литературный сайт **Алексея Павлова**

<http://lit-izdat.ru>
Издательство Фонда "Сталинград"

[Вернуться в начало](#)